

Good K. with Chanoff D. Into the heart: One man's pursuit of love and knowledge among the Yanomama. L., 1991.

Рецензируемая работа была опубликована в США в 1991 г. и затем переведена на разные языки и издана во многих странах Европы.

Успеху книги, видимо, способствовало соединение любопытства рядового читателя к экзотике, с одной стороны, и профессионального интереса ученых к обществам, все еще находящимся на доклассовом уровне общественных отношений, — с другой. Читатель уже был готов для восприятия подобной работы. С 60-х годов яномаа стали известны благодаря книге североамериканского исследователя Н. Чаньона, где они предстали как «свирепый народ», а также книге итальянца Э. Бюкка о судьбе девочки, похищенной яномаа и прожившей среди них много лет.

В данной книге большинство читателей будут следить в первую очередь за развитием отношений между североамериканским этнографом Кеннетом Гудом и местной жительницей, ставшей после многих злоключений женой Гуда и увезенной им из затерянного в джунглях общинного дома в Соединенные Штаты Америки. Специалисты (этнографы особенно) найдут массу наблюдений над повседневной жизнью яномаа и окажутся участниками теоретического спора. Никого не оставит равнодушным откровенность и жизнь изложения, которым наверняка способствовал соавтор К. Гуда, специалист по английскому языку и литературе Дэвид Чанюфф.

Яномаа (другие общие названия — яномамо, яномами и т. п.), разделяемые лингвистами и этнографами на несколько блоков, не имеющих строгих географических и культурных границ между собой, обитают в пограничных областях Бразилии и Венесуэлы — в верховьях рек Ориноко и ее притоков — Ураикузуры и Катримани (притоки Риу-Бранко) и некоторых других. По переписи 1982 г. в Венесуэле насчитывалось более 10 тыс. яномаа, в Бразилии приблизительно в то же время проживало почти 8,5 тыс. Различные группы яномаа, известные под собственными локальными именами, или прозвищами (гуа-харибы, гуайка, шириана, шаматари, санема и другие), стали известны в литературе с конца XVIII в. Но вплоть до середины XX в. они все еще оставались труднодоступными и малоизученными. В 30-е годы появились описания некоторых групп яномаа в Бразилии, затем в Венесуэле. Попытки сблизиться с яномаа приводили иногда к трагическому исходу. В середине 40-х годов в Бразилии яномаа убили нескольких человек из кинесемочной группы; тогда же они совершили нападение на пост индейской службы. В начале 50-х годов на Ориноко, в районе проживания яномаа, появляются миссионеры организации «Новые племена». С их помощью в этот регион было организовано несколько экспедиций, среди которых можно назвать экспедицию немецкого этнолога Отто Церриса. С конца 50-х годов стали изучаться языки яномаа (североамериканец Э. Мильяшца). Особый интерес к яномаа вызвали работы Н. Чаньона. Число исследователей, ведших полевые работы в разных группах яномаа, заметно возросло. Из наименее изученной общности американских аборигенов они превратились чуть ли не в самую исследованную. Так, если П. Бэйкер писал по слухам о нескольких десятках деревень между Ориноко и ее притоком Окамо, то 30 лет спустя Жак Лизо опубликовал подробную карту передвижений яномаа в этом районе на протяжении нескольких десятков лет, а Н. Чаньон смог составить генеалогии около 20 тыс. яномаа.

У нынешних яномаа земледелие является основной отраслью занятий. Главная возделываемая культура — банан (известны несколько сортов) — как по объему пищевых калорий, так и по занимаемой площади возделываемых земель; важное значение он имеет в ритуальной пище. В меньшей мере (в разных группах по-разному) известны возделываемые корне- и клубнеплоды. На втором месте в обеспечении пищей стоит собирательство, на третьем — охота. Поселения яномаа представляют собой одно большое жилище, нечто среднее между ветровым заслоном и хижинкой, внутренняя сторона которого открыта и выходит на центральную площадку. Способ земледелия (подсечно-огневой), истощение пищевых ресурсов на обитаемой территории и почти постоянная вражда между отдельными общинами вынуждают яномаа передвигаться на новые места через каждые несколько лет. Помимо этого, практикуются выходы всей общины на несколько недель (до двух месяцев) для охоты и сбора пищи в то время, когда заканчивается урожай бананов на участке, а новые плоды еще не созрели. При такого рода переходах женщины несут весь немудреный скарб в корзинах — гамаки, горшки, листья для кровли и т.д., а также грудных детей.

До недавнего времени яномаа еще добывали огонь с помощью палочек, но мачете к ним проник уже давно, и они им эффективно пользуются в хозяйственных работах. Традиционно яномаа — обитатели водоразделов, и лишь в последние десятилетия некоторые группы вышли к рекам и стали знакомы с лодками.

У них отсутствует какого-либо рода организация выше общинной. Отношения с соседними общинами поддерживаются на основе обмена и матримониальных связей. Разные группы яномаа, включающие обычно несколько десятков общин, имеют особенности в языке на уровне диалектов, хорошо различаемых специалистами. Они осознают свое родство с другими группами, или сходство, по крайней мере, и резко противопоставляют себя (на уровне общины или нескольких общин, так как подобного рода кругозор не охватывает всех яномаа) чужакам.

Естественно, что такое состояние хозяйства и общественных отношений, вызванное достаточно сильно до недавнего времени изоляцией от внешнего мира, привлекло к себе интерес антропологов (этнологов), которые пытаются разрешать свои очередные проблемы на очередном, попавшем в центр внимания, народе. Если прежде это были системы родства, становление личности, мифологические системы, формы искусства и прочее, то яномаа в последнее время стали объектом, на котором проверяются теории, касающиеся способности первобытного человека выжить в определенных экологических условиях (в частности, во влажном тропическом лесу). Немало способствовал интересу к яномаа и тот аспект, который в них заметил и, может быть, выпятил Чаньон.

Другая причина интереса к яномаа со стороны специалистов — угроза, которая нависла над ними в связи

с активным освоением приграничных территорий со стороны Бразилии, и открытие на их землях залежей алмазов, золота и других ценных минералов. Приток рабочих и старателей в эти места привел к значительным потерям среди населения яноама. С 70-х годов некоторые общины яноама в Бразилии пришли в упадок, по оценкам Лизо середины 80-х годов яноама потеряли к 1980 г. в сравнении с 1950 г. более четверти людей. Несмотря на усилия правительства Венесуэлы и Бразилии, угроза уничтожения яноама не исчезла — в августе 1993 г. в нашей прессе появилось сообщение о гибели нескольких десятков яноама в Бразилии.

Чаньон считал, что яноама находились в постоянной вражде между собой, так как они не выработали каких-либо форм социального контроля по сдерживанию насилия — деревни яноама постоянно распадались, так как их обитатели испытывали враждебность по отношению друг к другу. Многие этнографы не приняли такую интерпретацию фактов. Особенно последователен в критике Чаньона М. Харрис, считавший, что агрессивная модель поведения яноама определялась скорее всего какой-то экологической причиной, в частности необходимостью удовлетворять потребность в протеине и защищать охотничьи территории. Как писал К. Гуд в своей книге, поскольку многие группы яноама все еще не подвержены влиянию внешней культуры, конфликт между Чаньоном и Харрисом выходил за рамки очередного академического спора, не имеющего последствий. По его словам, агрессивность общества яноама бросала искаженный свет на саму природу человека.

Кеннет Гуд, как и многие американские студенты, его сверстники, не избежал обаяния книги Чаньона и стал учеником последнего в Университете штата Пенсильвания. В 1969 г., по его словам, он узнал о яноама как о свирепых, кровавых людях. Такое же представление он имел о них, когда готовился провести среди яноама 15 месяцев полевых работ. За это время Гуд успел поработать в Центральном университете Венесуэлы в Каракасе (он говорит свободно по-испански, почти как латиноамериканец). Гуд должен был с помощью практических наблюдений разрешить имевшийся теоретический спор (по замыслу Чаньона, — в его, учителя, пользу). Он сначала и не предполагал, что окажется втянутым в один из самых острых споров ученого мира. Потом Гуд обнаружил, что стал тем человеком, которому следовало раз и навсегда разрушить экологические теории (с. 19, 56).

Вместе с Чаньоном и археологом Р. Карнейро, Сандерсом и еще двумя исследователями Гуд отправился к месту своего назначения, определенного самим Чаньоном, а именно в общину Хасупуэтери, выше порогов Гуахарибо. Гуд и его соавтор хорошо передают растущее напряжение в ожидании встречи со своей деревней. Что стоит только сцена човечки на промежуточной остановке на Ориноко, на базе Лизо, когда подвыпивший Чаньон стал пугать своих учеников.

Против ожидания Гуд и Карнейро (проведший там один месяц) были встречены очень доброжелательно и даже весело — жители поселка были заинтересованы в тех предметах, что привезли с собой этнографы. Гуд сразу отметил, что обитатели деревни наблюдали за ним очень внимательно, дружки и с большим любопытством. Однако затем это любопытство превратилось для Гуда в настоящую муку, так как местные жители, в основном дети и мужчины, не оставляя его без внимания на протяжении всего светлого времени суток. «Я никогда не мог уйти от их внимательных глаз и комментариев, и требований, и просьб. Мне хотелось бы вздремнуть в полдень, и я попытался бы уснуть, но обязательно восемь или десять яноама соберутся вокруг со своими замечаниями. А я не знал, как сказать: „Пожалуйста, оставьте меня одного, я пытаюсь уснуть...“ Они хлопали дверью. Они потрясали своими луками и стрелами. Они говорили со мной... Они хотели, чтобы я вышел, говорил, показал им вещи, дал им вещи. Они хотели бы, чтобы я был с ними. А я был настолько усыплен жарой и влажностью, что отдал бы весь мир за то, чтобы закрыть глаза и забыть о них хотя бы на час. Но они не уйдут» (с. 27, 30—31).

Тяжелым оказался процесс физической акклиматизации, трудно было привыкать к змеям, летучим мышам, муравьям и другим насекомым, постоянно заполнявшим хижину Гуда, построенную яноама недалеко от реки, поодаль от общинного жилища.

Постепенно Гуд стал делать визиты в шабоне (жилище яноама) и заглядывать на огороды. Женщины встречали его улыбкой, мужчины, не ушедшие на охоту, также не проявляли никаких признаков агрессивности, нянчили детей или играли с ними в гамаках. Гуд перенес свое жилище через некоторое время ближе к шабону, а затем и вовсе повесил свой гамак внутри него, вблизи людей, с которыми он сдружился. Он постепенно выучил язык (он не знал перед экспедицией) и через год уже свободно на нем говорил. Гуд был включен в систему родственных отношений этой общины и даже получил в качестве невесты 11-летнюю девочку.

Не без сомнений Гуд отправился в свой первый охотничий переход с яноама. Сами яноама поедают личинки, едят насекомых, корни и проч. В переходах они длительное время могут обходиться без пищи, почти не потребляют соли и мало пьют. Помимо запасов продовольствия, Гуд должен был взять необходимую аппаратуру, блокноты и карандаши, ружье, лекарства, запасные одежду и обувь и т. д. Его груз несли пятеро яноама, да и сам он не был налегке. Во время переходов одежда и обувь постоянно оказывались мокрыми — в тех местах дожди идут почти постоянно; кроме того, приходилось пересекать ручьи. Жизнь в хижине, на которую он прежде жаловался, показалась райской. Тем не менее, через несколько дней путешественник стал себя чувствовать настолько свободно, что мог наблюдать не только за собой, но и за спутниками.

Гуд благополучно завершил свой первый переход с яноама, а в конце первого года пребывания на Ориноко решил отправиться к югу, в лежащие в нескольких днях пути другие деревни яноама, где тогда еще не был ни один белый. Это нелегкое путешествие в сопровождении группы молодых людей описано, как и другие события, очень живо. После трудных переходов и блужданий Гуд нашел искомую деревню. Он стал свидетелем исполнения так называемой «торговой песни», когда гости и хозяева на протяжении ночи предлагали или обещали в обмен какие-либо предметы. Гуд уже хорошо знал язык и смог заметить, что слова отличались от обычных разговорных и что певцы прибегали к метафорам — так, выражение «белая женщина» служило для обозначения махета.

У яноама любой визит в другое поселение, заранее оговоренный или случайный, сопровождается обменом; при этом ответные товары могут быть вручены через какое-то, иногда длительное, время.

Такой порядок, ведущий к поддержанию отношений или установлению новых между отдельными общинами, может и осложнить взаимоотношения, и даже привести к вражде, если обещанный предмет не будет вручен во каким-то причинах.

Вместо 15 месяцев Гуд пробыл с яноама 2 года. Он не раз бывал свидетелем сцен, когда ему приходилось решать, вмешиваться ли в происходящее или оставаться только свидетелем, антропологом. В этот период ему удавалось последнее.

В тот день, когда Гуд загрузил лодку (он был один, так как жители деревни отправились в очередной хозяйственный поход) и собрался спускать по Ориноко, его настигла малярия. Виновиком такого исхода представлялся Чаньон, не приславший дорогостоящих лекарств. Немного окрепнув после приступа болезни, Гуд пустился в плавание. На порогах у него не хватило сил справиться с тяжело нагруженной лодкой и большая часть груза, в том числе и редкие археологические коллекции, были потеряны; сохранились записки, которые Гуд предварительно спрятал на берегу. К этой беде оказался причастен Чаньон — он не разрешил пользоваться его легким алюминиевым катером, находившимся в этих местах. Разочарование в научном руководителе было полное.

Гуд нашел новых спонсоров для продолжения работы и вернулся к своим хасупуэтери. Вся вторая часть книги посвящена любви между Кеннетом и Яримой, которая далеко не всегда принимала идиллические обороты. Среди наиболее драматических событий было похищение девушки обитателями другой деревни в отсутствие Гуда. В книге описаны ее поиски, вызволение и т. д.

Эта личностная канва книги придает особое очарование книге К. Гуда. Что касается задач исследования, то для подсчета получаемого яноама протеина Гуд намеревался узнать, сколько дичи приходилось на одного человека, сколько времени затрачивается на ее добывание, какие расстояния стоит преодолевать, сколько необходимо территории для получения определенного количества пищи. Он ставил задачу понять взаимосвязь между числом людей, живущих в данном месте, и размером территории, необходимой для обеспечения их достаточным количеством протеина; в конечном счете ответить на вопрос, правильна ли идея М. Харриса о том, что война у яноама была средством рассеяния общин и обеспечения того, чтобы плотность населения в данном районе не превосходила доступность добычи. В противном случае оказался бы прав Чаньон, утверждавший, что войны яноама не имели никакой связи с недостатком протеиновых источников.

Для ответа на поставленные вопросы Гуд должен был узнать все возможное об охоте, собирательстве, земледелии и навыках питания. То есть не только сопровождать мужчин на охоте, наблюдать, как мужчины и женщины занимаются собирательством, ловят рыбу, отмечать их действия на огороде, но и тщательно замерять потребляемую пищу. Следовало взвесить каждый кусочек, который попадает в рот. Нужно было быть достаточно бесстыдным, чтобы сделать это. «И именно это я сделал», — напишет Гуд (с. 49).

Гуд составлял маршруты охотников и рыболовов, отмечал почвы, прикидывал расстояния и направления, записывал встреченных в походе животных и птиц, заносил время, затраченное на охоту и многое другое. Делать все это поначалу было очень трудно. Ведь никогда прежде Гуд ничем подобным не занимался, он даже не ходил в туристские походы.

В результате наблюдений Гуд пришел к выводу: протеины были самым критическим фактором из тех, что лимитировали питание яноама. Этот фактор влиял на степень оседлости или подвижности поселения и на социальную нестабильность в рамках деревни. Но причинная связь с войнами, на взгляд Гуда, не являлась прямой (с. 99). Вот один из примеров начала враждебных действий. Как подчеркивает Гуд, яноама никогда не посещают другие деревни лишь для приветствий. Они делают это для обмена чем-либо или чтобы поест. Однажды хасупуэтери пригласили жителей деревни, с которыми до того поддерживали дружеские отношения. На праздник было обещано подать много копченой рыбы и бананов. Однако рыбалка не удалась и угощение оказалось скудным. Неудовлетворенность гостей вылилась в ссору между молодыми людьми двух общин. Гости ушли, рассерженными и решили отомстить. Через некоторое время они застрелили из лука одного из молодых людей хасупуэтери.

У самого Гуда конкретное задание изучить условия потребления протеина переросло в желание познать яноама как можно полнее. Он пришел к убеждению, что для наилучшего изучения яноама следовало достигнуть понимания всего их комплекса культуры, а не концентрироваться только на количественных измерениях. Он хотел, по его словам, не только записывать, что делали яноама, но и понять, что означало наблюдаемое явление в их жизни (с. 47). Это ему удалось, как можно понять из книги. В процессе этого понимания исследователь стал частью того общества, которое он изучал на протяжении многих лет.

Конечно, прочтение книги вызывает много вопросов, имеющих отношение к теории этнографии. Насколько те или иные теории, предлагающие объяснение разных явлений, свойственных доклассовым обществам, имеют под собой фактическую основу? Гуд показал, как трудно учесть все факторы, влияющие на одну, пусть и важную, сторону жизни яноама: потребление протеина. Во таких сторон много больше, чем один — возможности использования сырья для изготовления орудий и предметов бытового пользования, изготовления предметов социальной классификации, межобщинного обмена с целым спектром условий от наличия предметов до средств межобщинных коммуникаций и т. д. После прочтения его книги становится ясно, насколько зыбки многие построения, в частности, экономической антропологии, касающейся обществ, подобных яноама. Но его же работа показывает, что такие возможности все еще существуют при наличии энергичного и целеустремленного исследователя, каким предстает на страницах своей книги Кеннет Гуд. Один из критиков Н. Чаньона, Жак Лизо, написал, что, несмотря ни на что, в книге Чаньона есть этнография. Так вот, в книге К. Гуда тоже есть этнография, помимо этого — жизнь этнографа среди людей, которых он изучал, и его любовь (ко всей общине и к одной обитательнице). Это, вероятно, и можно объяснить такую популярность книги К. Гуда среди читателей США и Европы.